

ОЛЬГА ПЕТРОВА

(НЕ) ВРЕМЯ
БЫТЬ
ДРАКОНОМ

Ольга Петрова

(не) время быть драконом

<https://litres.ru/74677003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Последнее, что Алина успела сделать в прежней жизни, — сказать человеку, которого когда-то любила, слова, о которых пожалела почти сразу.

А потом была авария.

Очнувшись, она обнаружила, что получила второй шанс. Правда, не совсем такой, о каком принято мечтать: другой мир, другое имя, могущественный отец и новое тело.

Теперь её зовут Лиара Рокс.

Впереди у неё целая новая жизнь — с балами, магией и возможностью однажды стать хозяйкой собственной судьбы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	41
Глава 5	58
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ольга Петрова

(не) время быть драконом

Глава 1

Оранжевые огни придорожных фонарей лениво скользили по капоту старенького «Фольксвагена», раз за разом вспыхивая на мокром стекле и растворяясь в темноте салона. Дворники работали на самом медленном режиме, с мерным, монотонным шорохом смахивая мелкую водяную пыль. В машине пахло остывшим кофе из бумажного стаканчика и знакомым, въевшимся в обивку ароматом можжевельного освежителя, который Максим всегда покупал на одной и той же заправке у моста.

Алина сидела на пассажирском сиденье, поджав озябшие пальцы в тонких капроновых колготках, и смотрела в боковое окно на темные, смазанные силуэты пригородных лесополос. Нарядное изумрудное платье, которое они выбирали вместе к свадьбе его университетского друга Игоря, уже казалось чужим и неудобным. Корсет давил на ребра, подол помялся, а тяжелые золотистые серьги оттягивали мочки так, что тупая ноющая боль переползла на затылок.

Максим вел машину молча, держа обе руки на руле в идеальном положении, которому его научил отец. Галстук он

снял еще у ресторана и бросил на заднее сиденье, верхнюю пуговицу рубашки расстегнул, но легче от этого будто не стало: плечи оставались напряженными, под глазами легли серые тени. Когда Алина тронула висок и еле слышно вздохнула, он, даже не поворачивая головы, протянул руку к панели и на два щелчка убавил обдув печки, чтобы горячий воздух не бил ей в лицо. Это было так привычно, так естественно, что у Алины на мгновение перехватило горло. Он помнил, что от сухого тепла у нее кружится голова, как помнил десятки других мелочей, накопившихся за годы знакомства и полтора года брака. Но сейчас эта машинальная забота только сильнее подчеркивала холодную пропасть, разверзшуюся между ними пару часов назад у банкетного зала.

Они оба устали настолько, что любое слово уже требовало усилия, но молчание становилось только тяжелее. Она дождалась, пока стрелка спидометра выровняется на пустом прямом отрезке объездной дороги, и повернулась к нему.

— И долго ты собирался молчать? — спросила она.

Максим не вздрогнул. Его пальцы лишь чуть плотнее сжались на потертой оплетке руля.

— Алина, давай не сейчас, — ровно ответил он. — Доедем, переоденемся, я сварю чай, и мы нормально поговорим. Ты устала, я тоже на взводе.

— Нет, мы поговорим сейчас. Потому что там, за столом, когда Игорь хлопнул тебя по плечу и спросил, куда именно в филиал тебя переводят через месяц, ты почему-то не устал.

Ты вполне бодро улыбался и просил его заткнуться, пока я не услышала.

— Потому что я хотел сказать тебе сам! — в голосе Максима прорезалось раздражение. — Нормально, вдвоем, а не посреди чужой свадьбы, где Игорь набрался виски и полез поздравлять со всем подряд.

— Сказать сам? Перевод в другой город, Макс. За четыреста километров отсюда. Ты подал заявление три недели назад. Тебе одобрили его в прошлый вторник. Два дня назад ты согласовал условия. Когда именно ты собирался поставить в известность жену? Когда подъедет грузовик с коробками?

— Я ничего окончательно не подписал, прекрати. Это было предварительное согласование. Я хотел сначала понять, что они реально предлагают. Если бы не было повышения, служебной квартиры и нормальной прибавки к зарплате, я бы забрал заявление, и разговаривать было бы не о чем. Зачем было тревожить тебя раньше времени?

— Затем, что это касается меня! — голос Алины сорвался выше, чем ей хотелось. — Спросить, хочу ли я уезжать. Хочу ли переводиться на заочный, бросать работу, друзей, родителей. Но ты ведь не спрашиваешь, Макс. Ты сначала решаешь, а потом сообщаем.

— Я не решил, я выяснил условия.

— Ты уже сделал половину шагов без меня.

Максим коротко выдохнул через нос.

— Хорошо. Давай по фактам. Хозяин квартиры через два

месяца начинается ремонт и продлевать договор не будет. Машина в кредите. За учебу платить зимой. Новая аренда здесь уже стоит столько, что мы опять будем жить от зарплаты до зарплаты. Я почти полгода работаю по двенадцать часов, иногда без выходных, и все равно каждый месяц считаю, сколько останется после обязательных платежей. Там мне предлагают начальника сектора, почти двойной оклад и служебное жилье. Не комнату в общежитии, а квартиру. Я хотел сначала убедиться, что предложение не пустое, а потом сесть с тобой и обсудить.

— Обсудить уже готовый вариант.

— Конкретный вариант. Это не одно и то же.

— Для тебя, похоже, одно.

Он сжал челюсть, но промолчал.

— И у меня здесь работа, — добавила Алина.

Максим метнул в нее короткий взгляд.

— Алин, твоя студия...

— Что моя студия?

— Она приносит очень мало. Ты сама это знаешь. На фоне разницы в зарплате это не может быть главным аргументом.

Алина отпрянула к спинке кресла, словно он все-таки повысил голос. Работа действительно приносила немного, но для нее это была первая попытка делать что-то самой, не просить у него денег до зарплаты и не чувствовать себя приложением к его жизни. На прошлой неделе ей доверили вести расписание преподавателей, и она рассказывала об этом

за ужином почти захлебываясь. Максим тогда сидел с ноутбуком, кивал и время от времени что-то спрашивал; ей казалось, что он слушал. Поэтому теперь особенно больно было услышать, во что в его расчетах превращалась эта часть ее жизни.

Максим покосился на нее и на секунду поджал губы.

— Я не говорю, что твоя работа ничего не стоит.

— Но именно это прозвучало.

— Я сказал неудачно. Но, Алина, я пытаюсь объяснить масштаб. Нам нужно где-то жить и на что-то жить.

— А мне нужно, чтобы ты хоть иногда спрашивал меня до того, как все рассчитал.

— Я спрашиваю, — резко ответил он. — А ты говоришь: «всё нормально».

Она замолчала.

— Позавчера я спросил, чего ты весь вечер не разговариваешь. «Всё нормально». Вчера спросил еще раз. То же самое. Ты закрываешься, ходишь по квартире с таким лицом, будто я должен сам угадать причину, а потом через неделю на меня вываливается всё разом.

— Не переводи разговор.

— Я не перевожу. Ты говоришь, что я не спрашиваю. Я говорю: иногда спрашиваю, а ответа не получаю.

— Потому что ты спрашиваешь уже после того, как всё сделал!

— Не всегда.

— Почти всегда.

Максим криво усмехнулся.

— А можно пример?

Это задело сильнее, чем должно было.

— Хочешь пример? Диван.

— Господи, только не диван.

— Да, диван! Ты знал, что я ненавижу серый, и всё равно заказал его сам.

— Потому что на него была скидка сорок процентов! У нас после оплаты твоего семестра денег почти не осталось.

— Дело не в цвете!

— А в чем?

— В том, что ты даже не спросил!

— И что изменилось бы? Другого дивана за эти деньги у нас не было.

Алина отвернулась к окну.

— Иногда мне кажется, что тебе не жена нужна, а человек, который будет соглашаться с уже принятым решением.

— А иногда мне кажется, что ты хочешь участвовать только после того, как всё пошло не так, — отрезал Максим. — Ты никогда не предлагаешь, что делать. Ты молчишь, копишь, говоришь «всё нормально», а потом внезапно выясняется, что я два года назад не так выбрал диван и три дня назад не тем тоном ответил за ужином.

— Потому что с тобой невозможно разговаривать, когда ты уже всё решил.

— А с тобой невозможно разговаривать, пока ты сама не решила, что пора взорваться.

Несколько секунд они молчали. Оба смотрели вперед, будто дорога могла дать им повод закончить разговор. Они знали друг друга со школы и слишком хорошо помнили, где у другого тонкая кожа: его страх снова не справиться с деньгами, ее болезненную потребность доказать, что она способна жить самостоятельно. В ссоре это знание делало каждую следующую реплику точнее и злее. Дождь за окном усилился, превращая свет редких встречных фар в размытые кляксы.

— Останови машину, — ледяным тоном сказала Алина.

— Что?

— Останови. Сейчас.

Максим покосился на нее и сбавил скорость.

— Куда ты пойдешь? Здесь темно, до города пятнадцать километров, кругом лес и отбойник. Доедем до развязки, там заправка, выйдешь, подышишь.

— Я сказала: останови немедленно!

Она дернула ручку двери.

Замок щелкнул. Максим побледнел и мгновенно перехватил ее за предплечье, резко отдернув руку от двери.

— Ты с ума сошла?! — рявкнул он. — На ходу?!

Машину повело по мокрой полосе. Он тут же отпустил Алину, обеими руками вцепился в руль и выровнял автомобиль.

— Не трогай меня! — закричала она, сама уже испугавшись собственного поступка.

— Тогда не открывай дверь на скорости! Я остановлюсь на заправке, но не посреди поворота под дождем!

— Ты опять решаешь за меня!

— Сейчас я решаю только одно: чтобы мы не улетели в отбойник!

— Ты вообще меня не слышишь!

— А ты себя слышишь?! — Максим бросил на нее яростный взгляд и снова уставился на дорогу. — Я полгода живу между работой, кредитами и этой чертовой квартирой. Появляется шанс вытащить нас из этого, а ты слышишь только то, что я не попросил разрешения заполнить заявление!

— Не разрешения! Моего мнения!

— Хорошо, твоего мнения! Но ты сама его обычно выдаешь только тогда, когда уже ненавидишь меня за неправильный выбор!

— Я не ненавижу тебя.

— Тогда перестань разговаривать со мной так, будто я намеренно порчу тебе жизнь.

Алина сжала пальцы на складках платья.

— Ты уже всё испортил.

Максим замер на мгновение.

— Что именно?

— Всё. Ты душишь меня своими правильными решениями. Ты превращаешь меня в чемодан, который просто бе-

решь с собой, куда решил ехать. Сначала квартира, потом деньги, теперь целый город — и каждый раз оказывается, что ты уже всё посчитал и мне остается только согласиться. Я не поеду с тобой ни в какой другой город. Вообще никуда больше не поеду. Завтра соберу вещи и уйду.

Он резко выдохнул. Лицо в свете приборной панели стало серым и усталым.

— Да пожалуйста, — сказал он после короткой паузы. — Хочешь уйти — уходи. Я тоже устал, Алина. Устал быть виноватым за каждое решение и за каждое твое молчание. Иногда мне кажется, что что бы я ни сделал, ты все равно найдешь способ превратить это в доказательство, что я плохой муж.

— Потому что ты думаешь только о том, как правильно, а не о том, чего хочу я!

— А ты сама знаешь, чего хочешь?

Она резко повернулась к нему.

— Не смей.

— Вот именно. Ты хочешь, чтобы я спрашивал, но когда спрашиваю — «не знаю», «всё равно», «всё нормально». А потом ты бьешь по самому больному и удивляешься, что я отвечаю.

— Значит, это я всё разрушаю?

— Я сказал не это.

— Но думаешь.

— Перестань решать за меня, что я думаю! И вести себя

как истеричка, будто деньги нужны только мне одному...

Он почти выкрикнул эту фразу, и в салоне на мгновение стало тихо.

Алина тяжело дышала, чувствуя, как злость окончательно захлестывает и его, и ее саму. Слова уже перестали успевать за смыслом.

— Лучше бы тебя вообще никогда не было в моей жизни.

Она захлебнулась воздухом, но остановиться уже не смогла.

— Ненавижу тебя.

Слова ударили по тесному салону и словно сразу погасили весь остальной шум.

Максим не ответил.

Алина сама испугалась того, что сказала. Ярость исчезла так быстро, будто ее выдернули изнутри. Она увидела, как дрогнули его пальцы на руле.

Он медленно повернул голову. В его глазах не было злости — только ошеломленная боль.

— Макс... — выдохнула она.

Но договорить не успела. Ночь впереди разорвалась ослепительно-белым светом.

Из-за слепого поворота прямо на их полосу боком вынесло тяжелый темный внедорожник. Его заднюю часть тащило

по мокрому асфальту, фары метнулись в лобовое стекло, и на долю секунды весь мир потерял цвет.

Максим среагировал раньше, чем Алина поняла, что происходит. Руль резко ушел вправо. «Фольксваген» дернулся к краю дороги, пытаясь уйти от прямого удара, и в тот же миг Максим выбросил правую руку перед Алиной, вжимая ее в спинку сиденья.

Удар пришелся в переднюю левую, водительскую часть.

Раздался чудовищный скрежет сминаемого металла. Лобовое стекло лопнуло, брызнув осколками, ремень впился Алине в грудь. Машину развернуло на мокрой дороге, подбросило, и все звуки слились в один глухой грохот.

А потом мир мгновенно погас, провалившись в абсолютную черноту.

Глава 2

Сначала не было ничего, кроме боли — глухой, всепоглощающей, пульсирующей где-то в самом центре черепа, словно там с тяжелым механическим скрежетом проворачивалась шестеренка. Потом пришла темнота. Она была плотной, осязаемой и давящей, как толстый слой мокрой ваты, забившейся в уши, в ноздри и под веки.

Алина попыталась пошевелиться, но не смогла сдвинуться даже на сантиметр. Ее тело оказалось намертво зажато в чудовищно тесном, узком пространстве. Подбородок был прижат к груди, колени — вдавлены в ребра, а вокруг не было ни единого просвета, ни малейшего сквозняка. Воздух — если то, чем она дышала, вообще можно было назвать воздухом, — казался густым, теплым и влажным, пахнущим солью, сырым железом и чем-то неуловимо сладковатым, приторным, как аптечный сироп.

Воспоминания возвращались обрывками, вспыхивая перед внутренним взором раскаленными иглами.

Слепящий, мертвенно-белый свет фар. Встречный внедорожник, боком летящий по мокрому асфальту. Максим, резко рванувший руль вправо. И его рука — тяжелая, горячая ладонь, метнувшаяся перед ней и вжавшая ее в спинку кресла за долю секунды до того, как мир с хрустом разорвало на куски.

«Мы разбились», — обожгла ясная, кристально чистая мысль.

Они врезались. Их смяло. Тот удар не мог пройти бесследно — старый седан должен был превратиться в груды перекрученного железа. Но раз она думает, раз чувствует эту тупую пульсацию в затылке, значит, ее спасли. Вытащили из машины, привезли в травматологию.

Теснота и неподвижность тут же нашли в ее сознании вполне логичное, хоть и пугающее объяснение. Реанимация. Или операционная. Ее зафиксировали от макушки до пяток, загипсовали переломы, закрепили поврежденные конечности.

Должно быть, травмы оказались катастрофическими, если врачи сочли нужным так плотно упаковать ее тело. А темнота... возможно, глаза просто забинтованы после осколков стекла, брызнувших из окна.

— Макс?.. — попыталась позвать она.

Она хотела спросить, жив ли он, где он, пострадал ли так же сильно, как она. Но вместо человеческих слов из горла вырвался лишь влажный, булькающий хрип, перешедший в тонкий, сиплый свист. Во рту было скользко и вязко, словно она наглоталась собственной крови или какого-то медицинского раствора. Связки не повиновались, язык казался неповоротливым, распухшим куском резины.

«Трубка ИВЛ, — в панике подумала Алина, задерживая дыхание и прислушиваясь к ощущениям. — Мне постави-

ли интубацию, поэтому я не могу говорить. Надо успокоиться. Надо позвать врача. Хотя как-то дать понять, что я очнулась».

Она изо всех сил напрягла мышцы, пытаясь дернуть пальцами правой руки, чтобы нащупать край больничной простыни или кнопку вызова персонала. Но конечность отозвалась с дикой, неестественной задержкой.

И ощущение было совершенно чужим.

Рука — или то, что должно было быть ее правой рукой, — согнулась не так, как обычно. Сустав провернулся под странным, птичьим углом, упершись во что-то гладкое и твердое прямо перед ее лицом. Алина попыталась пошевелить пальцами, ожидая почувствовать подушечки и короткие ногти, аккуратно покрытые нюдовым лаком перед вчерашней свадьбой. Вместо этого кончики пальцев уперлись в препятствие твердыми, острыми, загнутыми крючками. Они слабо скрежетнули по преграде, издав сухой шелкающий звук.

Холодная струйка ужаса коснулась позвоночника.

Она попыталась выпрямить ноги, но тазобедренные суставы были вывернуты так, будто ее спрессовали под прессом для утилизации мусора. Кости не болели — по крайней мере, той острой, ломающей боли от переломов, которой она подсознательно ждала, не было. Но тело... тело не слушалось правильной анатомии. За спиной, вдоль лопаток, было зажато что-то плотное и кожистое, сдавленное в тугий жгут, а ниже копчика тянулось странное, немеющее продолжение

позвоночника, обвитое вокруг ее согнутых голеней.

«Что со мной сделали?.. — забились в висках отчаянная мысль. — Насколько сильно меня покалечило?»

Она задышала чаще, мелко и прерывисто, втягивая ноздрями влажный, душный воздух. Его катастрофически не хватало. Легкие горели. Не было слышно ни мерного писка кардиомонитора, ни шипения кислородного аппарата, ни шагов медсестер, ни приглушенных голосов дежурных врачей. Стояла глухая тишина, сквозь которую лишь изредка доносились смазанные, низкие вибрации — будто где-то очень далеко, за толщей стен, рокотал тяжелый орган.

Алина уперлась обеими руками в преграду перед собой и толкнула.

Стена не поддалась. Она не пружинила, как гипс, не шуршала, как бинты, не звенела, как медицинский пластик. Преграда была гладкой, бесшовной, твердой, как полированный гранит, и вогнутой со всех сторон. Алина провела скрюченными пальцами влево, вправо, над головой — везде ее встречал один и тот же идеальный, глухой полукруг.

Купол. Сферическая ловушка без единой щели, без вентиляционных отверстий, без замков и ручек.

И тут ее накрыло. Это была не палата. Это не было реанимацией.

«Они решили, что я умерла».

Мысль ворвалась в сознание, выбивая остатки самообладания. Авария была слишком страшной. Врачи скорой мог-

ли приехать, не нащупать пульс, решить, что она мертва, и отправить в морг. А потом...

Господи, сколько историй она читала в интернете про врачебные ошибки, про людей, очнувшихся в моргах и закрытых гробах. Ее упаковали. Закрыли в каком-то контейнере. А может быть, прошло уже несколько дней, пока она находилась без сознания, и ее успели похоронить?

«Лучше бы тебя вообще никогда не было в моей жизни. Ненавижу тебя».

Собственный голос зазвенел в памяти с такой силой, что Алина едва не закричала. Последние слова, которые она сказала Максиму перед ударом. Злая, чудовищная фраза, брошенная в ярости. Она поняла это почти сразу, еще там, в машине, когда увидела его лицо, но не успела попросить прощения. Не успела сказать ничего. А потом Максим рванул руль вправо и выбросил руку перед ней.

Что случилось с ним после удара, Алина не знала.

— Нет! — попыталась закричать она, захлебываясь паникой. — Нет, пустите! Я живая! Помогите!

Из горла снова вырвался лишь жалкий, влажный клекот, переходящий в отчаянное сипение. Сердце колотилось где-то у самого горла — дико, бешено, со скоростью воробьиного пульса.

Она не хотела здесь умирать. Только не так. Не в этой тесной, душной темноте, не зная, выжил ли Максим, не успев сказать ему, что те страшные слова были ложью, сказанной

в ярости.

Инстинкт выживания смел остатки рационального мышления. Алина перестала анализировать неестественность своих движений. Она начала биться.

Она уперлась спиной в нижнюю часть сферы, подобрала под себя чужие, негнущиеся ноги и изо всех сил ударила верхней частью тела в потолок своей темницы. Удар пришелся на макушку и лоб. Боль была тупой, но не сокрушительной — на удивление, череп выдержал столкновение с твердой поверхностью. Более того, прямо на кончике носа или лба она ощутила твердый, острый костяной нарост, впившийся в преграду. Она ударила снова, царапая твердыми крючками гладкую поверхность и пытаясь толкнуть ее снизу всем сжатым телом.

Хрусть.

Звук был тонким, как хруст разбивающейся фарфоровой чашки, но в абсолютной тишине прогремел подобно раскату грома. Алина замерла, тяжело хватая ртом остатки спертого воздуха. Твердый нарост на ее голове упирался в свежую, шероховатую трещину.

Преграда поддалась. Это был не гранит и не бронированная сталь.

Надежда, острая и пьянящая, хлынула в кровь. Забыв о боли, Алина изогнулась всем телом, подтянула задние конечности и со всей силой впечатала лоб точно в место скола, одновременно упираясь в нижний край оболочки. Стена над

ней раскололась. В узкую, кривую щель хлынул воздух.

Настоящий, живой, прохладный воздух. Он пах не сырой могильной землей и не тленом. Он пах сухим камнем, дымом сандалового дерева, растопленным пчелиным воском и резкой свежестью, какую оставляет после себя летняя гроза. Этот воздух обжег дыхательные пути, заставив рефлекторно содрогнуться и судорожно вытолкнуть из легких остатки слизи.

Алина захрипела, протискивая морду — нет, лицо, свое лицо! — в расширяющийся разлом. Костяной нарост на переносице сработал как клин. Скорлупа — а это кололось именно как невероятно толстая, многослойная скорлупа — затрещала, осыпаясь крупными осколками.

Она вывалилась вперед, не удержав равновесия. Жидкая смазка, покрывавшая ее тело, помогла выскользнуть из тесной полости, и Алина рухнула куда-то вниз, глухо шлепнувшись на что-то удивительно мягкое, сухое и шелковистое.

Свет ударил по глазам с силой физического удара. Она зажмурилась, тихо пискнув от рези под веками. Мир вокруг расплывался мутными, слепящими золотыми и алыми пятнами. В уши, только что глухие к внешним звукам, обрушился многоголосый гул.

Это не было кладбищем. И на морг это не было похоже ни капли.

Где-то совсем рядом раздался дружный, благоговейный выдох десятков человеческих глоток. Звук был таким плот-

ным и потрясенным, словно толпа верующих только что увидела чудо.

— Свершилось... — прошелестел старческий, дрожащий от слез голос на незнакомом, гортанном, но почему-то мгновенно понятном языке. — Великое пламя снизошло в скорлупу! Владычица вошла в мир!

— Слава Престолу! — эхом отозвались вокруг другие голоса, и слышался шелест тяжелых тканей, звон металлических цепочек и глухой стук десятков коленей, опускающихся на каменный пол.

Алина судорожно заморгала, пытаясь проморгаться от защитной пленки, застилавшей зрение. Картинка медленно, слоями обретала четкость.

Она лежала на огромном круглом помосте, застеленном алым бархатом и парчой, расшитой золотыми узорами. Вокруг помоста поднимались циклопические каменные колонны, уходящие в недостижимую высь, где сквозь витражные стрельчатые окна падали косые лучи полуденного солнца. Вдоль стен полукругом стояли люди — мужчины и женщины в длинных, расшитых серебром мантиях глубокого сапфирового цвета, воины в начищенных до зеркального блеска доспехах, жрецы с кадилами, из которых поднимался тот самый ароматный сизый дым.

И все они — абсолютно все — стояли на коленях, склонив головы и благоговейно глядя прямо на нее. Ни ужаса, ни паники, ни санитаров со смиренными рубашками. Толь-

ко чистый восторг на бледных, торжественных лицах.

«Что за чертовщина?.. — пронеслась в голове шальная, ошарашенная мысль. — Какая-то секта? Меня продали на органы сектантам?!»

В этот момент пол под помостом мелко, ритмично задрожал. Тени за колоннами сгустились, и из глубокой, темной арки в противоположном конце зала неторопливо выступило нечто такое, от чего у Алины окончательно перехватило дух, а крошечное сердце снова заколотилось в горле.

Это была гора. Живая, дышащая гора чешуи цвета расплавленной меди.

Существо двигалось с грацией гигантской кошки, мягко ступая массивными когтистыми лапами по полированному базальту. Каждый его шаг отдавался низким, вибрирующим гулом в грудной клетке Алины. Огромные кожистые крылья были аккуратно сложены вдоль мощных боков, витые, уходящие назад рога венчали величественную клиновидную голову, а из ноздрей при каждом выдохе вырывались тонкие струйки сизого, горячего пара.

Огромный янтарный глаз размером с круглое зеркало в прихожей Алины медленно моргнул вертикальным зрачком, опустившись к помосту. Чудовище издало глубокий, утробный звук — что-то среднее между громовым раскатом и басовитым, довольным урчанием гигантского кота.

Алина оцепенела. Панический страх парализовал мышцы. Настоящий, живой, дышащий жаром дракон навис над

ней, заслонив половину огромного зала.

Но ящер не проявлял агрессии. Он склонил свою исполинскую морду так низко, что горячий, пахнувший озоном ветерок из его ноздрей взъерошил что-то мягкое на затылке Алины, и осторожно, едва касаясь, коснулся кончиком теплого носа края помоста.

«Так, стоп, — закружилась голова, отказываясь переваривать происходящее. — Стоп, стоп, стоп. Если это дракон... то из чего я только что вылезла?»

Преодолевая ледяное оцепенение, она медленно, с трудом повернула голову назад, чтобы посмотреть на свою «могилу». Позади нее, на растерзанных шелковых подушках, лежали две половинки разбитой сферы. Это не был цинковый гроб. Это не был медицинский контейнер.

Это была гигантская, толщиной в ладонь, яичевая скорлупа. Внутри она была влажной и молочно-белой, а снаружи переливалась на свету жемчужно-перламутровыми, опаловыми узорами.

Алина медленно, затаив дыхание, перевела взгляд вниз. На себя. Платья из зеленого крепа не было. Тонких ключиц, на которых Максим так любил оставлять поцелуи по утрам, не было тоже. Как и аккуратных женских коленей.

Вместо них на алом шелке покоились четыре короткие, пухлые лапки, покрытые нежной, полупрозрачной серебристо-серой чешуей, мягко мерцающей в лучах витражей. На каждой лапке красовались крошечные, остренькие коготки

кофейного цвета. Из-за спины, расправляясь и подсыхая на теплом воздухе, неуверенно приподнялись два сморщенных кожистых крылышка — крошечных, не больше кленового листа каждое. А сзади, осторожно подрагивая кончиком, лежал гибкий, смешной хвостик с маленьким стреловидным кончиком.

Она попыталась крикнуть:

— Какого черта?!

Но из широко распахнутой пасти вырвался лишь звонкий, возмущенный писк, тоненькая струйка серого дыма и крошечная, не больше спичечной головки, рыжая искра.

Люди в мантиях в едином порыве склонились до самого пола, коснувшись лбами камня. Огромный медный ящер довольно прикрыл янтарные веки и снова утробно заурчал.

Алина сидела на шелковой подушке посреди величественного храма, таращилась на свои чешуйчатые когтистые пальцы и с нарастающим ужасом понимала одно:

Она не была в морге. Ее не зашили в гипс. Она только что вылупилась из яйца.

Глава 3

Быть новорожденным драконом оказалось занятием в высшей степени унижительным.

Особенно когда тебе двадцать лет, ты только вчера сдавала зачет по макроэкономике, умела красить ресницы на ходу в переполненном вагоне метро и привыкла считать себя взрослым, самостоятельным человеком.

Первые трое суток в новом мире слились в сплошной кошмар из физической беспомощности и сенсорной перегрузки. Во-первых, лап было четыре, и они категорически отказывались договариваться между собой. Задние норовили бежать вперед, передние разъезжались на скользком полированном камне, как у новорожденного теленка, а хвост жил совершенно отдельной, хаотичной жизнью. Он волочился сзади, задевал резные ножки мебели, испуганно поджимался к животу при любом резком звуке или — что злило Алину больше всего — начинал мелко, предательски вилять, стоило кому-то из служанок принести миску с теплым густым бульоном.

Во-вторых, крылья. Они напоминали два мокрых сложенных зонта, приколоченных между лопаток. Они не слушались, путались в роскошных шелковых простынях и вздрагивали каждый раз, когда Алина пыталась вдохнуть глубже.

Но хуже всего была пасть. Язык не ворочался для привыч-

ной человеческой речи, а вместо связных возмущенных тирад — вроде «Кто вы такие?» или «Немедленно вызовите полицию!» — из горла вылетал то тонкий, похожий на свист чайника писк, то позорное шипение. На исходе второго дня, когда пожилая круглолицая женщина в шелковом тюрбане попыталась натереть ее бока пахучим лавандовым маслом, Алина от переизбытка чувств чихнула — и выплюнула аккуратный, размером с грецкий орех, огненный шарик, спаливший кружевной край драгоценного балдахина. Женщина не закричала, не отшатнулась в ужасе; она лишь благоговейно всплеснула руками, опустилась на колени и зашептала молитвы, утирая слезы умиления.

Именно тогда до Алины окончательно дошло: реальность не шутит. Это не был галлюциногенный бред умирающего мозга на аппарате искусственной вентиляции легких. Галлюцинации не пахнут так остро — жженым сандалом, свежим мясом, грозovým озоном и горячей тканью. И в бреде невозможно так отчетливо ощущать шершавую плотность серебристых чешуек под собственными когтями.

Тот гигантский медный ящер, который нависал над ней в первые секунды после треснувшей скорлупы так же, никуда не исчез. Точнее, он перестал быть ящером в тот же вечер.

Это произошло прямо у нее на глазах, когда процессия жрецов покинула грандиозный круглый храм. Воздух в зале вдруг потяжелел, зазвенел, как перед ударом молнии, а вокруг исполинского тела дракона вспыхнуло багровое полу-

прозрачное пламя. Секунда — и контуры чудовища смазались, сжались, словно пространство вокруг него изогнулось по неведомым законам оптики. На месте чудовища, из рассеивающегося жара, шагнул мужчина.

Он был очень высок, широкоплеч и сложен с той хищной гармонией, которая в человеческом мире бывает разве что у мраморных античных статуй. Тяжелая мантия цвета запекшейся крови, подбитая угольно-черным мехом, струилась по его плечам, серебряные застёжки тускло блестели в свете факелов. Темные, с легкой проседью на висках волосы падали на высокий лоб, а глаза — те самые янтарные, пронзительные, с вертикальным драконьим зрачком — смотрели на нее с неожиданной для такого лица нежностью.

Он подошел к шелковому помосту, мягко опустился на одно колено, совершенно не заботясь о том, что подол его царственного одеяния волочится по полу, и протянул к ней руки. Руки человека — сильные, с длинными пальцами, с золотыми перстнями-печатками на фалангах, но без единого когтя.

— Здравствуй, маленькая, — произнес он.

Его голос был глубоким, раскатистым, от которого у нее внутри завибрировали косточки. Он говорил на языке, в котором не было ничего общего с русским — звуки перекатывались, шипели и звенели, как удары клинков о щиты. И всё же смысл этих незнакомых слов каким-то образом становился понятен, хотя Алина совершенно не представляла почему.

Мужчина осторожно, словно боясь повредить хрупкое перламутровое тельце, подвел широкие ладони под ее пузико и поднял на уровень своих глаз. Алина застыла, инстинктивно замерев и затаив дыхание. Одно движение этих пальцев могло переломить ей хребет. Но мужчина лишь прижал ее к своей груди, затянутой в плотный шелковый колет, спрятав от сквозняков широкой полой мехового плаща и тихо, прерывисто выдохнул, уткнувшись носом в ее чешуйчатую макушку.

Ее новый отец.

Его звали Даймар. Даймар из Рода Рокс.

Это имя звучало вокруг Алины постоянно. Служанки произносили его с почтением, придворные — склонив подбородки к груди, стражники в коридорах — с глухим, синхронным ударом кулака в латную пластину на груди. Ей потребовалось около двух недель, чтобы окончательно сопоставить обрывки разговоров, титулы и масштабы происходящего вокруг.

Она родилась не в семье рядовых обитателей этого странного мира. Даймар Рокс был не просто воином или богатым дворянином. Он был Владыкой — главой одного из древнейших и могущественнейших драконьих Родов, правителем колоссальной горной цитадели, чьи шпили вонзались в облака над бескрайними долинами. И появление на свет истинного дракона — не полукровки с каплей древней крови, а чистокровного первенца, способного нести в себе две ипо-

стаси, — стало для Рода событием, которого уже почти никто не ждал.

Мать Лиары погибла в Драконьих войнах почти триста лет назад, оставив после себя кладку. Яйца хранили все эти века, но даже самые упрямые оптимисты давно перестали верить, что хоть одно из них еще способно проклюнуться. Последний драконий детеныш в этих землях появился около трехсот лет назад, и всё это время истинных драконов становилось всё меньше, пока в каменном инкубаторе под алтарем Престола не лопнула жемчужная скорлупа.

Ее новое имя вошло в обиход так плавно, что Алина сама не заметила, как перестала вздрагивать при его звучании.

— Лиара, — звал ее Даймар каждый вечер, когда приходил в ее покои, оставив государственные свитки и тяжелую корону из черного серебра. — Посмотри на меня, Лиара.

И она смотрела. Имя «Лиара из Рода Рокс» звучало красиво, весомо, непривычно. При дворе ее уже величали Маленькой Княжной, наследницей Престола Камня и Пламени, и привыкнуть к этому оказалось легче, чем Алина ожидала.

Ее детская комната больше напоминала тронный зал из сказки: высокие сводчатые потолки из молочного мрамора, широкие стрельчатые террасы, выходящие в бездну ущелья, резные ширмы из сандалового дерева и огромный круглый помост, засыпанный нагретыми речными окатышами и устланный бархатом. Возле помоста день и ночь дежурили кормилицы, целители и наставницы, готовые явиться по пер-

вому же писку серебристого дракончика.

Взрослой человеческой части ее разума всё это казалось сюрреалистическим спектаклем. Она — обычная девчонка из спального района, привыкшая считать деньги до следующей зарплаты и ругаться из-за немытой сковородки, — теперь лежала на шкурах белых горных барсов, а взрослые женщины почтительно кланялись ей всякий раз, когда она соизволила допить теплое козье молоко, смешанное с толченым огненным корнем.

Привыкнуть к комфорту оказалось несложно. К собственной беспомощности — куда труднее. Алина ничего не знала об этом мире, не умела говорить, с трудом управлялась с четырьмя лапами и полностью зависела от людей вокруг. И всё же практичная часть характера постепенно брала верх над первоначальным шоком. Каким бы невозможным ни было происходящее, оно уже стало ее реальностью, а значит, следовало хотя бы научиться в ней существовать.

У нее был дом, в котором ей явно ничего не угрожало, отец, чья привязанность с каждым днем всё меньше казалась ей ролью в странном спектакле, и множество людей, следивших за каждым ее движением. Это не отменяло Землю, Максима, родителей, друзей, университета и всего того, что осталось там. Просто теперь рядом с потерей постепенно появлялось что-то новое.

Главным открытием первых месяцев стало то, что драконы вовсе не проводят свою жизнь гигантскими чешуйчаты-

ми ящерами на вершинах скал. Большая часть жизни велась на двух ногах. Человеческая форма была привычнее для политики, дипломатии, быта и культуры. Дракониий облик оставался их истинной сутью и источником огромной физической силы, но благородные лорды и леди Рода носили шелка, читали книги, заседали в Советах и пили вино из тонких кубков.

И Даймар искренне ждал, когда его маленькая Лиара сделает свой первый оборот.

— Она слишком рано всё понимает, — как-то вечером шепнула старшая нянька, высокая суровая женщина по имени Эйлин, осторожно расчесывая мягким гребнем серебристый пух вдоль хребта детеныша. — Посмотрите на ее глаза, мой лорд. Дети драконов в этом возрасте просто спят и жгут солому. А она... она следит за каждым вашим шагом. Она слушает.

Даймар, сидевший на краю каменного возвышения и лениво игравший тяжелым фамильным перстнем, усмехнулся. В его золотых глазах вспыхнула гордость.

— В ней кровь истинных владык, Эйлин. Она не просто слышит — она запоминает. Моя дочь перевернет этот континент, когда расправит крылья.

Алина, лежавшая на теплых камнях и делавшая вид, что дремлет, про себя фыркнула, выпустив крошечную струйку сизого дыма. «Перевернет континент, как же. Дайте сначала научиться чесать за ухом задней лапой и не заваливаться при

этом на бок».

Особое внимание Алины с первых же дней привлекли те, кто стоял на страже ее покоев.

Это были не драконы. Но и обычными людьми они точно не были.

Их называли Обсидиановой Стражей. Высокие, широкоплечие мужчины и женщины в глухих чешуйчатых доспехах из матового темного металла замирали у массивных дверей, ведущих во внутренние покои дворца. Их движения были пугающе плавными, реакция — молниеносной, а сквозь расстегнутые ворота походных рубах на шеях и скулах виднелись участки мелкой серовато-аспидной чешуи. Глаза стражников имели узкие зрачки, а сами воины двигались с той сдержанной уверенностью, которая выдавала силу, недоступную обычному человеку.

Как она выяснила позднее, это были полудраконы — потомки смешения кровей. Они не могли принимать истинную драконью форму, у них не было крыльев, а их возможности заметно уступали чистокровным драконам. Но по силе, скорости и выносливости они превосходили обычные расы и составляли элитную стражу Домов драконов. Внутри Рода царила жесткая военная иерархия: стражники беспрекословно исполняли приказы старших, но за холодной дисциплиной чувствовался опыт, самостоятельность и профессиональная гордость. Обсидиановая Стража была щитом и мечом Дома, и служба ему для этих людей значила гораздо

больше простой обязанности.

Когда один из таких воинов — молодой капитан с глубоким шрамом через левую бровь — заступал на караул у террасы, Алина любила наблюдать за ним из своего шелкового гнезда. Он редко позволял себе лишнее движение и опускал взгляд всякий раз, когда крошечный серебристый дракончик ковылял мимо него к балкону. В этом взгляде не было презрения к ее младенческой слабости. Только почтение перед ее природой и положением.

Алина довольно быстро поняла, что ей это нравится.

Сначала преклонение взрослых людей перед существом, которое не умело толком пройти три метра по прямой, казалось нелепым. Потом стало привычным. Еще позже она поймала себя на том, что уже почти не замечает поклонов и мгновенного исполнения своих немногих понятных окружающим желаний. Иногда это ее забавляло, иногда приятно щекотало самолюбие. Отказываться от подобного отношения только из принципа она не собиралась.

Но однажды ночью прошлое всё-таки настигло ее.

Шел третий месяц ее новой жизни. За окнами террасы бушевала яростная горная гроза — молнии с сухим треском распарывали ночное небо над пиками, а раскаты грома заставляли вибрировать толстые каменные плиты. В детской было тепло: в широком камине трещали смолистые поленья, служанки спали в смежной комнате, оставив одну дежурную лампаду.

Лиара не спала. Она выбралась из своего гнезда, осторожно переступая когтистыми лапами по мягкому ковру, и подошла к низкой каменной балюстраде, отделявшей террасу от бушующей бездны. Дождь хлестал по выступающему карнизу, мелкие холодные брызги долетали до ее мордочки.

Она посмотрела вниз, на темные, блестящие от воды скалы, на вспышки света — и перед глазами с болезненной четкостью встала та самая трасса.

Мокрый асфальт. Черные ветки придорожного леса. Дворники, со скрипом ползущие по стеклу. И Максим.

Впервые за эти три месяца Алина позволила себе вспомнить мужа не как силуэт из кошмара, а как живого человека. Его руки на руле. Упрямый изгиб губ. Светлую рубашку с расстегнутой верхней пуговицей. То, как он убавил печку, потому что помнил, что от горячего сухого воздуха у нее начинает кружиться голова. То, как они оба, усталые и злые, защищали каждый свою правду и били туда, где другому было больнее всего.

Максим действительно слишком часто считал, что, если решение разумное, он имеет право сначала принять его, а потом объяснить. Алина действительно слишком долго молчала, отвечала «всё нормально», копила обиду и взрывалась тогда, когда спокойного разговора уже почти не получалось.

Ни одно не делало правым другое.

Она вспомнила свет фар встречного внедорожника. Машину, которую понесло на мокром повороте. Максим рез-

ко крутанул руль вправо, пытаюсь уйти от столкновения, и почти одновременно выбросил перед ней руку, вжимая ее в кресло.

А потом был удар.

Лиара не могла знать, что именно произошло в следующую секунду и насколько осознанно Максим успел действовать. Она помнила только его движение — резкое, рефлексивное — и собственное ощущение его ладони перед собой.

«Он не выжил», — подумала она, глядя в темноту чужого ущелья.

После такого трудно было представить другой исход. И вслед за этой мыслью пришли слова, от которых внутри снова всё сжалось.

«Лучше бы тебя вообще никогда не было в моей жизни. Ненавижу тебя».

Последнее, что она ему сказала. Не потому, что это было правдой или ложью. Потому что хотела ранить. Потому что была в ярости, чувствовала себя не услышанной и в тот момент выбрала самые жестокие слова, какие смогла найти.

А потом уже не осталось времени забрать их назад.

В горле встал горький ком. Если бы драконье тело умело плакать человеческими слезами, ее мордочка была бы мокрой. Она стояла под дождем и смотрела в чужую ночь.

Максим не был чудовищем. И она не была беспомощной жертвой человека, который годами делал ее несчастной. Они любили друг друга. У них были хорошие дни, привыч-

ки, близость, смешные домашние ссоры и планы, которые еще утром казались общими. Были и проблемы, которые оба слишком долго не умели решать иначе, чем каждый своим способом.

Он привык брать ответственность на себя и не заметил, как начал путать ее с правом решать за двоих. Она привыкла откладывать тяжелые разговоры до тех пор, пока накопленная обида не превращала их в крик. Их последняя ссора не делала всё, что было до нее, ложью. От этого последние слова становились только тяжелее.

Лиара закрыла глаза, слушая вой ветра. Она не знала наверняка, что Максим погиб. Как и не знала наверняка не умерла ли она сама. Но здесь, в другом мире, в другом теле, через три месяца после аварии, надежда на обратное казалась почти невозможной роскошью. Ей нечего было делать с этой неизвестностью, кроме как принять то, что она больше никогда его не увидит.

Она будет жалеть о тех словах. Возможно, всегда.

Но превращать новую жизнь в бесконечное наказание за одну страшную ссору она не собиралась. Прошлого уже не изменить. Как бы долго она ни стояла под этим дождем, Максим не услышит запоздалого объяснения, а мокрая трасса не развернется назад.

«Прости меня, Макс, — мысленно сказала она в темное небо. — Я не это хотела сказать. И спасибо тебе. Надеюсь, твоя новая жизнь будет счастливой.»

Она постояла еще немного, слушая грозу. Память о нем никуда не исчезла. Не исчезла и Алина — со всеми своими ошибками, привязанностями и прожитыми двадцатью годами. Но та жизнь закончилась на мокрой дороге, а здесь ее уже три месяца звали другим именем.

Лиара открыла глаза. Зрачки сузились в тонкие вертикальные нити, ловя отблески далеких молний. Она не могла вернуться туда. Зато могла жить здесь.

Лиара развернулась и побежала обратно в тепло спальни. На этот раз лапы ступали удивительно уверенно, а хвост почти не мешал держать равновесие.

Утром, едва первые лучи солнца коснулись белоснежных шпилей цитадели, тяжелые дубовые двери распахнулись. В покои быстрым, широким шагом вошел Даймар. Он был в легкой дорожной тунике, пропахшей ветром и оружейной смазкой — видимо, только что вернулся с утреннего облета горных застав.

Увидев, что дочь уже сидит на краю ковра, расправив подсохшие за ночь серебристые крылья, он улыбнулся. Его суровое лицо, способное одним взглядом заставить придворных замолчать, сразу стало мягче.

— Доброе утро, моя радость, — он присел на корточки, протягивая к ней ладонь.

Лиара не стала пятиться, как делала в первые недели. Она уверенно засеменила вперед на своих четырех лапках, ткнулась чешуйчатым носом в его пахнущую кожей перчатку и

издала короткий, требовательный рык, в котором уже почти не было слышно птичьего писка. Затем расправила маленькие крылышки, уперлась задними лапами в пол, подпрыгнула — неловко, смешно, но решительно — и зацепилась коготками за широкий кожаный пояс отца, повиснув на нем, как сердитый перламутровый кот.

Даймар замер на секунду, а затем запрокинул голову и расхохотался — громко, раскатисто, так, что зазвенели хрустальные подвески на люстрах, а замершие у дверей стражники-полудраконы едва заметно вздрогнули от неожиданности.

— Ты посмотри на нее! — сквозь смех воскликнул Владыка, осторожно подхватывая дочь ладонями и поднимая к своему лицу. — Характер! Истинная Рокс! Ни капли страха, только чистая ярость!

Лиара посмотрела прямо в его сияющие янтарные глаза, зажмурилась и выпустила из ноздрей крошечное колечко серого дыма, аккуратно опустившееся на кончик носа правителя.

Даймар снова рассмеялся и прижал ее к груди.

За три месяца Лиара уже научилась узнавать его шаги в коридоре и поворачивать голову к двери раньше, чем он входил. Научилась ждать этих вечерних и утренних визитов, его теплых рук и глубокого голоса. Слово «отец» сначала было лишь удобным объяснением чужой роли, но постепенно перестало ощущаться чужим.

Лиара устроилась у него на руках, поджав лапы и привычно зацепив хвост за край кожаного пояса. Эта жизнь всё еще была странной, непонятной и временами до смешного неудобной. Но она была ее жизнью. И Лиаре она нравилась.

Глава 4

Первый устойчивый человеческий оборот случился на исходе пятого года, в день осеннего равноденствия, и избавил Лиару от доброй половины ежедневных бытовых мучений. До этого превращение оставалось непредсказуемым: стоило ей задремать после сытного обеда, как серебристые крылья сами собой втягивались под лопатки, а короткие когтистые лапы удлинялись, превращаясь в пухлые детские ручки. Но когда контроль наконец установился, перед ней открылся целый мир, в котором больше не требовалось есть мясо сырыми ломтями прямо с каменного блюда и отплеиваться испрами во время смеха.

Самым большим потрясением стало первое осознанное знакомство с собственным отражением.

В ростовом зеркале из горного хрусталя, оправленном в черненное серебро, на нее смотрела вовсе не прежняя бледнолицая студентка с вечно растрепанной челкой и темными кругами под глазами от недосыпа. У новой Лиары были густые пепельно-серебристые волосы с тяжелым шелковым отливом, очень светлая кожа и огромные миндалевидные глаза, чей оттенок менялся от глубокого аметистового до расплавленного янтаря всякий раз, когда внутри вспыхивали сильные эмоции. Высокие скулы, тонкие черты и непривычная четкость линий делали лицо почти чужим.

Лиара долго вертелась перед зеркалом, рассматривая себя с разных сторон, а потом довольно улыбнулась отражению. Спорить с очевидным было бессмысленно: ей повезло.

Привыкать к роскоши тоже оказалось до неприличия легко. Человеческая память Алины еще помнила скрипучие пружины съемного матраса, холодную воду из крана в сезон профилактики и неприятное напряжение перед очередным списанием кредита. В Черном Пике подобных проблем не существовало. Платья шили из тканей, названия которых она первое время даже не запоминала, ванны наполняли теплой минеральной водой из подземных источников, а необходимость выбирать между необходимой покупкой и остатком денег до конца месяца осталась где-то в другой жизни.

Лиара не видела особого смысла изображать аскета. Ей нравились мягкие ткани, горячая вода, хорошая еда и возможность не считать каждую монету. Но очень скоро всё это превратилось просто в привычный фон.

Главным сокровищем новой жизни оставался Даймар. Для остального мира отец был Владыкой Черного Пика — полководцем и правителем, одно присутствие которого заставляло придворных выпрямлять спины. В личных покоях тот же человек мог полчаса терпеливо распутывать гребнем ее серебристые волосы после тренировок или до позднего вечера спорить с дочерью о толковании старого закона.

Он не обращался с ней как с красивой игрушкой и довольно рано начал брать на встречи с управляющими, пока-

зывать отчеты, карты земель и списки податей. Чем старше становилась Лиара, тем чаще разговоры о древности Рода и его силе сменялись гораздо менее романтичными вопросами: сколько зерна хранится в нижних крепостях, почему деревня недоплатила десятину, кто отвечает за разрушенный мост и сколько семей останутся без урожая, если весенний паводок снова размочит дорогу.

— Если хочешь, чтобы крепость стояла века, Лиара, следи не только за мечами гарнизона, но и за зернохранилищами, — говорил Даймар, когда они вместе обходили стены цитадели на рассвете. Ветер трепал его тяжелый плащ и бросал меховой край ей на плечо. — Голодный вассал быстро забывает клятвы. Людям нужны порядок, сытость и суд, которому они верят. Запомни это к тому времени, когда сама будешь решать их споры.

— А если сытые и обласканные вассалы решат, что можно сесть Владыке на шею? — спрашивала она.

Даймар усмехался, и в золотых глазах появлялся знакомый жесткий блеск.

— Тогда сначала напоминаешь им о долге. А если они всё равно не понимают — расправляешь крылья. Справедливость хороша до тех пор, пока за ней стоит сила.

Эта двойственность никогда его не смущала. Даймар мог часами разбирать жалобу землевладельца на несправедливый налог, а спустя день спокойно приказать подавить мятеж, если считал, что разговоры закончились. Для него забо-

та о тех, кто зависел от Рода, и право Рода требовать подчинения не противоречили друг другу.

Крылья стали для Лиары второй сущностью и, пожалуй, самым сильным удовольствием новой жизни.

Никакие земные аттракционы и полеты на пассажирских лайнерах не могли сравниться с ощущением собственного тела в воздухе. Переход из девушки в дракона занимал всего пару секунд: жар вспыхивал в груди, кожа покрывалась серебристой чешуей, тело вытягивалось и наливалось силой — и вот уже вместо человеческих ног мощные лапы впивались когтями в край обрыва.

Первый настоящий прыжок Лиара совершила в двенадцать лет под присмотром отца. Несколько мгновений желудок оставался где-то наверху, у края скалы, а земля неслась навстречу с такой скоростью, что даже драконий инстинкт завопил об опасности. Потом она раскрыла крылья. Воздух ударил в перепонки и подхватил ее. Лиара взмыла вверх на восходящем потоке, едва не задев от восторга крылом отца. Белые вершины проплывали рядом, облака расступались перед мордой холодной влажной пеленой, ущелья внизу превращались в тонкие темные трещины.

В воздухе исчезало всё лишнее. Там не было ни придворного этикета, ни уроков, ни чужих ожиданий. Только ветер, крылья и бесконечное пространство, в котором каждое движение принадлежало ей самой.

С годами любовь к полету не прошла. Наоборот, чем

лучше Лиара чувствовала крылья и воздушные потоки, тем труднее было представить себя без этой части собственного тела. Иногда она улетала одна на несколько часов, просто чтобы подняться выше облаков и зависнуть в холодном ясном небе, где весь Черный Пик уместался под ней.

С возрастом раскрылся и ее магический потенциал. Магия истинных драконов не требовала черчения сложных кругов на полу или заучивания длинных заклинаний на мертвых наречиях. Она текла в крови, отзываясь на волю, и Лиара привыкла обращаться с ней почти так же естественно, как с когтями.

На полигоне она могла одним порывом воздуха сбить с ног вооруженного гвардейца или расколоть каменную мишень ударом силы. Это было слишком легко.

Однако, академическая сторона магии вызывала у нее устойчивое раздражение.

Пожилой архимагистр Вейн, сгорбленный старик-дворф с жидкой белой бородкой, проводил с ней долгие утренние часы в лаборатории нижнего яруса, заставленной медными ретортами, колбами и сушеными пучками редких трав. Лиара откровенно ненавидела эти занятия.

— Ваше Высочество, алхимия требует терпения и уважения к пропорциям! — дребезжал магистр, когда Лиара с тоской смотрела на мерные весы из слоновой кости. — Корень лунного плакуна необходимо толочь двадцать минут, постепенно добавляя раствор. Почему вы просто раздавили его

пальцами?

— Потому что в бою у меня не будет двадцати минут и вашей мраморной ступки, мастер Вейн, — отвечала Лиара, безгласно вытирая липкие пальцы шелковым платком. — Гораздо проще не позволить яду попасть в кровь.

— Вы рассуждаете как воин.

— Я дракон.

— Это я заметил еще лет двенадцать назад.

Лиара бросила на него мрачный взгляд и снова уставилась на остатки корня. В прошлом прилежная студентка, теперь с трудом могла усидеть на месте даже двадцать минут.

Зельеварение, многочасовая возня с тиглями и заучивание классификаций минералов казались ей мучительно медленными. Особенно раздражали лечебные составы. Собственные порезы и ожоги Лиары затягивались с такой скоростью, что необходимость часами варить мазь от повреждений кожи выглядела почти издевательством.

Причиной был внутренний драконий очаг — пламя, с которым рождался каждый истинный дракон.

Это был не просто огонь, которым можно дышать в бою. Это было то, что делало драконов — драконами. Очаг поддерживал тело, питал магию и ускорял восстановление после ран. Лиара ощущала его как устойчивое тепло глубоко под ребрами. После тренировочного пореза оно становилось ярче, расходилось по телу, и повреждение начинало затягиваться.

— Именно поэтому я не понимаю, зачем мне эта мазь, — заявила она однажды, глядя на густую зеленоватую массу в ступке. — Если я порежусь, к вечеру даже следа не останется.

Вейн перестал сортировать сушеные листья и посмотрел на нее поверх очков.

— Вам — возможно. А вашему слуге?

— Какому еще слуге?

— Любому, который окажется рядом с вами с распоротым животом, Ваше Высочество. Стражнику. Слуге. Раненому крестьянину. Эльфу, если судьба особенно решит испытать ваше терпение. Ваш очаг поможет только вам.

Лиара нахмурилась.

— Драконье пламя не может лечить других?

— Нет. Его восстановительная сила замкнута на носителе. Вы можете зарастить собственную рану почти мгновенно, но не приложите руку к чужой и не прикажете чужому телу сделать то же самое. Даже другой дракон вам в этом смысле недоступен: у него свой очаг.

Это открытие неожиданно задело ее.

— Тогда передать часть силы?

— Силой можно поделиться в заклинании, ее можно потратить и восстановить, — сухо ответил Вейн. — Но очаг — не запас маны в сосуде. Это часть того, что делает дракона живым. Не путайте одно с другим.

Он подтолкнул к ней ступку.

— Поэтому продолжайте толочь.

Лиара посмотрела сначала на него, потом на зеленую кашницу.

— Я всё еще ненавижу алхимию.

— От вас никто не требует ее любить. От будущей правительницы требуется знать достаточно, чтобы рядом с ней не умер человек только потому, что она сочла урок скучным.

— Можно просто завести слугу для лечения других слуг.
— Тихо прошипела Лиара, но старый алхимик её не услышал. Или сделал вид, что не услышал.

После этого алхимия интереснее не стала. Зато избавиться от нее аргументом о собственной регенерации больше не получалось.

К шестнадцати годам Лиара официально вышла в свет, начав посещать Большие Приемы в цитадели и сезонные балы правящих Родов.

Интерес к дочери верховного Владыки оказался предсказуемо огромным. Первая чистокровная драконица за три столетия, наследница Черного Пика, красивая и сильная, она была слишком выгодной партией, чтобы влиятельные семьи могли позволить себе оставить ее без внимания.

Вокруг быстро появились поклонники: молодые лорды, наследники богатых земель, военные и сыновья старейших родов. Одни действительно находили ее привлекательной, другие гораздо внимательнее смотрели на герб Рокс за ее

плечом. Чаще всего одно прекрасно сочеталось с другим.

Лиара это понимала и не собиралась делать вид, будто не замечает расчета. Ей нравилось внимание. Нравились танцы, комплименты, подарки и возможность проверить, насколько далеко зайдет очередной молодой аристократ ради улыбки. Она научилась принимать ухаживания, ничего не обещая, вовремя менять тему, если разговор заходил слишком далеко, и различать тех, кто хотя бы интересовался ею самой, от тех, кто мысленно уже делил владения ее отца.

Иногда она флиртowała просто потому, что ей было весело. Иногда придворная любезность помогала сгладить разговор между семьями. Но довольно быстро Лиара поняла и другое: любая лишняя улыбка при дворе могла на следующий день превратиться в слух о почти заключенной помолвке.

Поэтому игра требовала осторожности. Среди многочисленных ухажеров один молодой дракон всё же сумел выделиться.

Его звали Элиар, и он был младшим сыном правителя Лазурного Ущелья. Высокий, гибкий, с копной темно-каштановых волос и открытым взглядом серо-голубых глаз, он подкупал прежде всего отсутствием тщательно отрепетированной придворной важности. Когда Элиар обращался в дракона, его чешуя сияла чистым кобальтом, а в воздухе он держался с легкой бесшабашностью, которая неизменно заставляла Лиару улыбаться.

Он не пытался впечатлить ее разговорами о торговых договорах и не сыпал цитатами из древних трактатов. Вместо этого приглашал на ночные полеты к Замерзшим Водопадам, приносил однажды спрятанного под плащом детеныша горностая и искренне смеялся над ее замечаниями о придворном этикете.

Лиара позволила этому роману случиться.

Ей нравилось его общество, нравилось, как менялось лицо Элиара, когда он видел ее, нравилось ощущение легкого романтического волнения. Их тайные встречи продолжались несколько месяцев. Они улетали в горы, спорили о том, кто первым пройдет узкий перевал, сидели на нагретых за день камнях и целовались в тени старой полуразрушенной ротонды.

Лиара помнила его горячие руки у себя на талии, вкус вина на губах, прохладный ветер, трепавший волосы. Элиар нравился ей по-настоящему — и именно поэтому спустя несколько месяцев стало невозможно не замечать, что для него их связь значила гораздо больше.

Он влюбился сильно и всерьез. Начал болезненно реагировать на ее танцы с другими, ждал каждой встречи, строил планы, в которых слово «мы» появлялось всё чаще. Лиара сначала пыталась относиться к этому легко, потом поняла, что сама не движется в ту же сторону.

Ей было хорошо с Элиаром. Но того чувства, которое росло в нем, в ней не было. Чем дольше они продолжали, тем

больше это начинало походить на нечестность. Разрыв произошел тихо. Лиара сама позвала его в уединенную галерею Западной башни на закате.

Элиар пришел с тонкой цепочкой из звездного серебра и сапфировым кулоном в руке. Увидев ее лицо, он остановился еще до того, как успел подойти совсем близко.

— Лиара? Что случилось?

Она мягко перехватила его руку, не позволив надеть цепочку ей на шею.

— Нам нужно остановиться, Элиар.

Он побледнел.

— Почему? Я чем-то обидел тебя? Если это из-за турнира, я знаю, что повел себя глупо. Я больше не стану устраивать сцен из-за этих придворных...

— Дело не в турнире.

— Тогда в чем?

Лиара несколько секунд подбирала слова.

— В тебе нет ничего, что нужно исправлять. Мне хорошо с тобой. Было хорошо всё это время. Но ты хочешь от нас большего, чем я могу тебе дать.

— Мы можем не торопиться.

— Дело не во времени.

Элиар смотрел на нее молча.

— Ты любишь меня? — спросил он наконец.

Лиара не стала прятаться за красивыми фразами.

— Не так, как ты меня.

Его пальцы сжались вокруг цепочки.

— Понятно.

— Мне жаль.

— Мне...Тоже...

Он отвел взгляд к залитым закатным светом окнам и тяжело выдохнул. Несколько мгновений Лиара ждала упрека, но Элиар только спрятал кулон в карман.

— Наверное, лучше сейчас, чем через год, — сказал он с кривой улыбкой.

— Надеюсь, что так.

— Для меня всё это было настоящим.

— Для меня тоже. Просто не одинаковым.

Он кивнул и, помедлив, поклонился ей уже не как возлюбленной, а как принцессе.

— Тогда спасибо за честность, Лиара.

Когда он ушел, она еще некоторое время стояла у окна. Ей было грустно. Элиар не заслуживал боли, и хорошие месяцы рядом с ним не стали хуже только потому, что закончились. Но вместе с грустью пришло облегчение.

Это было первое чувство в новой жизни, которому она позволила стать романом, и первое, которое сумела закончить прежде, чем нежность превратилась в взаимную обиду.

Долго наслаждаться покоем ей не дали. Через три дня после разговора с Элиаром отец вызвал ее в рабочий кабинет — место, куда даже генералы входили только по приглашению.

Даймар стоял у массивного стола из мореного дуба, зава-

ленного картами сопредельных земель, дипломатическими донесениями и свитками с восковыми печатями. В камине гудел огонь.

— Проходи, Лиара. Садись.

Она опустилась в кресло напротив и сразу заметила перемену в его настроении. Отец смотрел на нее не только как на дочь. Это был взгляд Владыки, который собирался обсуждать дело Рода.

— Тебе исполнилось семнадцать, — начал Даймар. — Ты взрослая драконица и наследница Черного Пика. Совет Старейшин всё настойчивее требует, чтобы мы определились с вопросом твоего брака.

Лиара аккуратно расправила складки темно-изумрудного платья.

— Старейшинам снова не дает покоя тот факт, что я до сих пор не выбрала себе поводак?

Уголок рта Даймара дернулся.

— Они называют это обеспечением преемственности истинной крови. До сих пор я откладывал разговор, потому что считал, что у тебя должно быть время повзрослеть. Но на осеннем Великом Сходе вопрос поднимут снова. Лорд Багровых Скал уже запросил официальной аудиенции. Дом Бури предлагает очень выгодный союз.

— И половину серебряных рудников?

— Треть, — невозмутимо поправил Даймар. — Половину они предложили бы, если бы совсем потеряли рассудок.

Лиара фыркнула, но отец быстро посерьезнел.

— Для правящего Рода брак редко бывает только личным делом. Ты это знаешь.

— Знаю.

— И я не собираюсь тащить тебя к алтарю за первого, кто положит на стол достаточно серебра. Но делать вид, что вопрос можно откладывать бесконечно, тоже не стану. У Рода есть интересы, и когда-нибудь тебе придется их учитывать.

Лиара молчала, глядя в огонь. Слова неприятно задели слишком знакомое место.

Когда-то другой близкий ей человек тоже искренне полагал, что хорошая причина и разумный расчет дают право сначала решить, как должна измениться их общая жизнь, а потом поставить ее перед фактом. Максим хотел для них лучшего. Именно это и делало воспоминание особенно горьким. Она не собиралась снова отдавать кому-то право выбирать за нее только потому, что аргументы звучали убедительно.

— Я понимаю долг перед Родом, отец, — сказала Лиара. — Но замуж за перечень земель, рудников и военных союзов я не пойду.

Даймар внимательно посмотрел на нее.

— Я не предлагал тебе выходить замуж за перечень.

— Пока нет.

— Осторожнее.

Предупреждение прозвучало негромко, но Лиара слишком хорошо знала этот тон. И всё же взгляд не отвела.

— Мужчина рядом со мной должен быть выбран мной. Я могу учитывать интересы Рода. Могу выслушать Совет, могу рассматривать тех, кого вы считаете подходящими. Но последнее слово в вопросе моей жизни должно остаться за мной.

Даймар медленно постучал пальцем по подлокотнику.

— Ты говоришь как наследница, пока речь идет о праве. Посмотрим, как ты заговоришь, когда придется выбирать между собственным желанием и выгодой земель, за которые отвечаешь.

— Тогда дай мне сначала увидеть эти земли не с карты. Он приподнял бровь.

Лиара подалась вперед.

— Я выросла в Черном Пике. Я знаю наши отчеты, законы, имена управляющих и цифры в книгах. Но почти всё, что я видела за пределами цитадели, я видела сверху. Отправь меня с ревизией дальних гарнизонов. Или с посольством. Дай настоящее дело. Если я должна однажды решать судьбу Рода, я хочу узнать мир, в котором собираюсь это делать.

В кабинете стало тихо. Даймар долго смотрел на дочь, и Лиара не могла понять, что именно он взвешивает: ее доводы, риск или очередной способ удержать Совет от новых петиций.

Наконец он откинулся на спинку кресла.

— Ты удивительно быстро научилась превращать один

спор в другой.

— У хорошего учителя училась.

— Лесть не поможет.

— Я и не лщу.

На этот раз Даймар всё-таки усмехнулся.

— Хорошо. Мы вернемся к вопросу женихов на Великом Сходе через шесть месяцев. До тех пор ты получишь возможность заняться настоящим делом за пределами Черного Пика.

Лиара почувствовала, как внутри поднимается радость, но постаралась не показать ее слишком явно.

— Спасибо.

— Не спеши благодарить. Мир за стенами цитадели опаснее, чем кажется со спины дракона. И если я сочту выбранное дело неподходящим, ты туда не поедешь.

— Конечно, отец.

По выражению его лица было ясно, что покладистому тону он не поверил ни на мгновение. Лиара поднялась и склонила голову.

Шесть месяцев не решали вопрос брака и ничего не гарантировали. Совет никуда не исчезал, политические интересы Рода тоже. Но Даймар услышал ее и дал время — не бесконечную свободу, а конкретную отсрочку и возможность доказать, что она способна не только требовать права выбора, но и нести ответственность за него.

Для начала этого было достаточно. Через полгода они сно-

ва заговорят о женихах. А до тех пор у Лиары было собственное дело, небо над головой и возможность наконец увидеть мир за пределами Черного Пика своими глазами.

Глава 5

Добиться у отца разрешения покинуть Черный Пик оказалось сложнее, чем выиграть десяток учебных боев на полигоне.

Даймар держал оборону три седмицы. Он предлагал дочери командование пограничной заставой в ущелье Ветров, инспекцию серебряных копей на юге, даже дипломатический визит к владыкам Морского Предела — всё, что угодно, лишь бы будущая наследница занималась настоящим делом под присмотром людей, которым он доверял. Шесть месяцев, о которых они договорились раньше, еще не истекли, и Владыка явно рассчитывал, что за это время Лиара выберет занятие ближе к дому, а затем они вернутся к вопросу брака.

Лиара же хотела совсем другого.

— Через полгода мы снова сядем за этот стол и начнем перебирать имена женихов, — говорила она, меряя шагами ковер в его кабинете и не позволяя отцу вернуться к государственным отчетам. — А что изменится за эти полгода? Я увижу еще три крепости Рода и пятерых наместников, которых знаю с детства?

— Ты можешь увидеть гораздо больше, если перестанешь отвергать каждое мое предложение, — сухо заметил Даймар.

— В сопровождении твоих генералов и Обсидиановой Стражи. Это всё равно будут наши земли, наши люди и на-

ши правила.

Даймар отложил перо.

— И чего же тебе не хватает?

— Мира за пределами Черного Пика.

— Очень содержательно.

Лиара остановилась напротив стола.

— В Высшей Академии Семи Вершин учатся наследники и одаренные дети почти всех государств континента. Будущие военачальники, маги, дипломаты, главы кланов. Через десять или двадцать лет мне придется договариваться с ними, воевать с ними или заключать союзы. Разве не разумнее узнать их сейчас, пока половина из них еще не научилась улыбаться на переговорах и лгать без паузы?

Даймар долго смотрел на нее из-под нахмуренных бровей.

— Ты хочешь сказать, что едешь туда ради государственной пользы?

— Я хочу сказать, что государственная польза удивительно удачно совпадает с моим желанием покинуть цитадель.

Уголок его рта дрогнул.

— По крайней мере, честно.

— Я стараюсь.

Она не пыталась убедить себя, что переигрывает человека, который правил Родом дольше, чем существовало множество человеческих династий. Даймар видел ее насквозь и прекрасно понимал, насколько сильно дочери хотелось свободы. Но аргумент ему не нравился именно потому, что был

разумным.

Академия действительно оставалась одним из немногих мест, где будущие правители разных народов годами жили бок о бок. Доклады давали сведения. Личное знакомство давало то, чего в донесениях не было: характер, привычки, слабости, способность держать слово.

— Три года, — сказала Лиара.

Даймар медленно поднял бровь.

— Что?

— Полный академический цикл, который мне нужен. Три года без разговоров о браке. После этого вернемся к вопросу.

— Полгода превратились в три года за одну беседу?

— Не превратились. Я предлагаю заменить прежнюю договоренность новой.

— Как удобно.

— Зато без мелкого шрифта.

Даймар встал из-за стола и подошел к окну. За высоким стеклом лежал Черный Пик — бастионы, мосты, зубчатые стены, уходящие вниз уступами по склону. Несколько минут он молчал.

— Не знаю кто такой этот твой «мелкий шрифт», но академия — нейтральная территория, — произнес он наконец. — Ее устав старше половины ныне существующих королевств. Моя стража не сможет ходить за тобой по аудиториям и жилым корпусам.

— Именно.

Он обернулся.

— Не улыбайся.

Лиара послушно выпрямила губы.

— Обсидиановая Стража останется на внешнем кордоне академического городка, — продолжил Даймар. — Не потому, что я вдруг перестал беспокоиться о твоей безопасности, а потому, что устав Академии не позволяет держать вооруженную свиту внутри кампуса. Если возникнет непосредственная угроза твоей жизни, я заберу тебя оттуда независимо от твоего мнения.

— Это уже звучит как знакомый Даймар Рокс.

— Я твой отец. Привыкай.

Она подошла ближе.

— Значит, три года?

Даймар вздохнул так, словно соглашался не на обучение дочери, а на затяжную военную кампанию.

— Три года. И прежний срок в шесть месяцев больше не действует. Вопрос политического брака откладывается до окончания этих трех лет.

Лиара замерла, проверяя, не ослышалась ли.

— Ты сейчас это действительно сказал?

— Не заставляй меня передумать.

Она широко улыбнулась.

— Я люблю тебя.

— Именно поэтому ты так безжалостно пользуешься моими слабостями.

— Я называю это убедительной дипломатией.

— Я называю это воспитательной ошибкой.

Но свиток он подписал.

Осенью тяжелая черная карета Рода Рокс, запряженная четверкой пепельных грифонов, прошла через кованые ворота Высшей Академии Семи Вершин.

Появление Лиары вызвало ожидаемый переполох.

Вообще-то, к тому моменту слухи давно опередили ее. Первая чистокровная драконица, появившаяся за несколько столетий. Дочь Владыки Черного Пика. Наследница одного из древнейших Родов. Этого хватило, чтобы на висячих галереях между белыми башнями собрались студенты, а занятия в ближайших аудиториях вдруг стали значительно менее интересными.

Лиара вышла из кареты в темно-изумрудном походном камзоле, узких кожаных брюках и высоких сапогах. Пепельно-серебристые волосы были собраны в хвост. Она скользнула взглядом по толпе и с привычным спокойствием выдержала десятки чужих взглядов.

За годы при дворе к подобному вниманию она привыкла. Но Академия с первых минут оказалась не Черным Пиком.

Здесь тоже кланялись, шептались и пытались познакомиться, однако рядом с дочерью Даймара учились эльфийские аристократы, наследники человеческих княжеств, дети старейшин оборотней, талантливые маги без громких фамилий и представители народов, о которых Лиара до этого чи-

тала только в книгах. Ее имя значило много, но явно не было единственным именем, способным заставить помещение замолчать.

И это ей понравилось.

Обсидиановые стражники проводили карету до внутренней границы кампуса и остались за воротами, заняв предоставленный им внешний пост. Когда последний знакомый черный доспех исчез за аркой, Лиара испытала почти неприличное желание рассмеяться.

Никакой Эйлин. Никакого капитана у двери. Никого, кто доложит отцу, во сколько она вернулась в комнату и почему на сапогах грязь.

Свобода имела вкус холодного осеннего воздуха.

К вечеру первого дня комнаты в Башне Ветра начали заполняться цветами, приглашениями и подарками. Лиара благодарила посыльных и быстро поняла, что академическая среда в одном отношении ничем не отличается от двора: дочь Даймара оставалась слишком заметной фигурой, чтобы политики забыли о ней только потому, что теперь она называлась студенткой.

Некоторые хотели познакомиться из простого любопытства. Другие явно рассчитывали на полезное знакомство. Третьим нравилась она сама, и политические перспективы этому совершенно не мешали.

Лиара принимала внимание спокойно. Пару раз соглашалась на прогулки, отклоняла слишком настойчивые пригла-

шения и уже на первой неделе научилась исчезать из общей гостиной Башни Ветра раньше, чем очередной молодой аристократ успевал начать заранее подготовленный комплимент.

Настоящий друг появился там, где она меньше всего этого ожидала — в узком тупике за алхимическими лабораториями, пропахшем серой и мокрым камнем.

На второй неделе Лиара скрылась там от младшего принца речных наяд, который почти час пытался прочесть ей стихотворение собственного сочинения о свете на ее чешуе. Спрятавшись под старой каменной аркой, она прислонилась спиной к стене и прикрыла глаза.

— Если ты сейчас спалишь плющ, чешуйчатая, старик Морват заставит виновника соскребать коготь до рассвета, — раздался сверху насмешливый голос.

Лиара вскинула голову.

На широком каменном карнизе над аркой сидела девушка примерно ее возраста. Короткие рыжевато-бурые волосы торчали в разные стороны, из них выглядывали небольшие рысьи уши с черными кисточками. Янтарные глаза с узкими зрачками смотрели на Лиару с откровенным любопытством. Девушка сидела на краю совершенно расслабленно, будто несколько саженей до земли не имели никакого значения.

— Ты знаешь, с кем разговариваешь? — поинтересовалась Лиара, привычно вздернув подбородок.

Незнакомка фыркнула и спрыгнула.

Приземлилась мягко, почти беззвучно, согнув колени и тут же выпрямившись одним плавным движением.

— Конечно. Лиара Рокс. Надежда драконьего народа, страшная наследница Черного Пика и причина, по которой последние две недели половина мужского общежития начала пользоваться духами. Я Нэйра. А теперь подвинься.

— Зачем?

— Ты стоишь перед моей вишней.

Лиара моргнула. Нэйра наклонилась, засунула руку в узкую щель между камнями и вытащила оттуда небольшой холщовый мешок.

— Сушеная, — пояснила она. — Контрабанда из северных кланов. В столовой ее почему-то считают десертом и варят. Преступление против природы.

Ни титул, ни фамилия, ни драконья кровь девушку, похоже, совершенно не впечатляли. Лиара неожиданно рассмеялась, а Нэйра сунула ей горсть ягод.

— Только тихо. Если твой поклонник услышит, что ты здесь, я сдам тебя ему за две бутылки вина.

— Дешево ценишь.

— Две бутылки вина, это сокровище!

Так началась их дружба.

Нэйра оказалась оборотницей-рысью из одного из вольных северных горных кланов. Училась она благодаря собственным способностям и стипендии, которую получала по

разведывательному направлению. Придворных церемоний не признавала, правила рассматривала скорее как рекомендации, а Академию за несколько лет успела изучить так, будто лично проектировала ее тайные лестницы, крыши и проходные коридоры.

Она упорно называла Лиару «чешуйчатой», пока та не пригрозила однажды проверить, насколько хорошо рысь плавает.

— Очень хорошо, — невозмутимо ответила Нэйра. — Но твой интерес к моему мокрому меху начинает вызывать вопросы.

Вскоре вокруг них сложилась небольшая компания.

Торин, каменный тролль из подземных кланов, выглядел так, словно его высекли из серого гранита и забыли сообщить, что теперь следует проявлять эмоции. Его больше всего интересовали крепостные стены, мосты, осадные сооружения и вопрос, почему наземные народы упорно строят башни такой нелепой формы.

Четвертой стала Эсма — эльфийка из высшей знати озёрных земель. Она была безукоризненно воспитана, аккуратна до пугающего и испытывала почти личную неприязнь к вещам, лежащим не на своем месте. Большую часть учебного времени Эсма проводила над схемами пространственных чар и книгами, испещренными таким количеством пометок, что Лиара однажды спросила, не проще ли написать собственный учебник.

— Проще, — спокойно ответила Эсма. — Но тогда мне придется исправлять еще и его.

Лиара решила, что они поладят.

Её постоянно окружала свита, но на фоне множества знакомых, поклонников и людей, желавших хотя бы раз оказаться за ее столом, компания из четырех человек казалась почти неприлично маленькой. Именно поэтому Лиара дорожила ею.

Нэйре было всё равно, кто ее отец. Торину было интереснее обсудить устройство опор всячего моста, чем политику Черного Пика. Эсма могла среди разговора с наследницей древнего Рода сказать: «Ты ошиблась в третьей строке», — и спокойно продолжить читать.

Рядом с ними Лиара могла быть не только принцессой. Учебная рутина быстро разрушила и другое приятное заблуждение: Академия вовсе не собиралась восхищаться каждым проявлением ее драконьей силы.

На практических занятиях Лиара действительно превосходила большинство сверстников физически. Драконья реакция, выносливость и мощный внутренний очаг давали преимущество, которого невозможно было добиться одними тренировками.

Но магистр Гален, седой преподаватель боевой магии, совершенно отказывался считать это поводом для поблажек.

— Принцесса Рокс, — произнес он однажды с пугающим спокойствием, глядя на дымящиеся обломки гранитного ма-

некена, — что именно я попросил вас сделать?

Лиара опустила ладонь, вокруг которой еще потрескивали золотые искры.

— Обездвижить цель.

— Верно. А вы?

— Обездвижила.

Гален перевел взгляд на груды камней.

— Уничтожили...

Кто-то в строю хихикнул.

— Удерживающий контур третьего круга, — продолжил магистр. — Минимальная мощность. Цель должна остаться целой.

— Если это враг, зачем?

— Потому что сегодня задача не убить врага. Сегодня задача — выполнить упражнение.

Лиара поморщилась.

— Практически это менее эффективно.

— Практически вы провалили задание.

Это раздражало гораздо сильнее, чем сложная мишень.

Лиара привыкла, что избыток силы способен исправить почти любую проблему. Но Гален заставлял ее ограничивать поток, рассчитывать угол воздействия, удерживать контуры и прекращать заклинание раньше, чем хотелось. Если требовалось связать противника воздушной петлей, уничтоженная площадка не считалась впечатляющим успехом.

На фехтовании ситуация была похожей. Девушка была

способна фехтовать двухметровой дубинкой. Сила давала подавляюще преимущество, но преподаватель быстро перевел ее на индивидуальные нормативы и занятия с более опытными студентами, где запрещалось побеждать простым продавливанием защиты.

Через два месяца Лиара получила доступ к усиленному сектору полигона и более сложной программе. Свободного графика ей никто не предложил.

— Наконец-то здесь нашлись люди, которых не впечатляет твое умение сломать мебель, — заметила Нэйра после очередной тренировки.

— Я ломаю не мебель.

— Манекен стоит, ничего не делает и страдает из-за твоего характера. Для меня это мебель.

Торин, шедший рядом, задумчиво произнес:

— Хорошую мебель строят прочнее. Из камня. Вот например...

— Спасибо, Торин, — сказала Лиара. — Хотя кто-то на моей стороне.

— Да, я на твоей стороне... А о чём это ты?

Эсма тихо фыркнула.

С теорией дело обстояло не лучше.

Пространственная магия неожиданно заинтересовала Лиару, пока не выяснилось, что красивый портал требует не эффектного взмаха рукой, а нескольких страниц расчетов. Эсма могла часами сидеть над одной схемой, исправляя толщи-

ну линии на долю ногтя.

— Ты наслаждаешься этим, — обвиняюще сказала однажды Лиара.

— Да.

— Это нездорово! Тратить время на переход на пару километров полчасу, когда долететь можно за пару минут.

— Зато мой переход не отрежет мне руку. Да и летать я умею только вниз.

После этого спорить оказалось сложнее.

Но главным личным проклятием Лиары оставалась алхимия.

Старый Вейн хотя бы был знакомым врагом. Академический мастер Бракс, невысокий гомункул с голосом человека, которому казалось, что кто-то всегда нарушал инструкцию. Он требовал точности почти до микрона.

Лиара хоть и считала лечебные составы бессмысленными. Но Вейн слишком хорошо вбил ей в голову простую истину: учителю плевать на твоё мнение, когда есть план обучения. Наследница она, полководец или просто нормальное разумное существо, но на следующий курс её не переведут если не сумеет хотя бы сварить то, чем остановить кровь или какое-нибудь противоядие.

Это была проблема. Она ненавидела ждать. Драконье пламя делало её нетерпеливой.

Ненавидела отмерять капли. Ненавидела смотреть, как раствор остывает ровно столько, сколько требует инструк-

ция. Ненавидела, что лишнее движение стеклянной палочки могло испортить три часа работы.

— Я сейчас сожгу этот котел, — процедила Лиара на третьем часу лабораторной работы.

Раствор, который должен был стать нежно-бирюзовым, приобрел цвет перезрелой свеклы и начал тревожно пузыриться.

За соседним столом Нэйра дернула ухом.

— Только попробуй. В прошлый раз меня заставили проветривать аудиторию вместе с тобой.

— Он сам виноват.

— Котел?

— Бракс! Этот старый...

— Мастер Бракс находится в трех шагах от тебя.

— Я в курсе.

Нэйра мгновенно оказалась рядом. Она наклонилась над тиглем, принялась и поморщилась.

— Ледяной мох.

— Но я его добавила.

— Мало.

— По инструкции достаточно.

— По инструкции у тебя раствор должен быть синим.

Лиара нехотя вернулась к описанию.

Нэйра быстро отмерила несколько капель вытяжки и протянула ей флакон.

— На. Добавь мой.

— Какая ты сегодня добрая.

— Я всегда добрая. Когда не злюсь. Кстати, когда получишь диплом, отдай его мне, раз уж я учусь за двоих.

Лиара фыркнула и добавила вытяжку. Бурление начало стихать.

— Если сейчас станет зеленым, я всё-таки сожгу котел.

— Тогда я отойду подальше.

Раствор медленно посветлел. Мастер Бракс появился рядом ровно в тот момент, когда Лиара позволила себе облегченно выдохнуть.

— Почему, — спросил он, глядя в тигель, — вытяжка ледяного мха была добавлена после начала реакции?

Лиара молчала. Нэйра очень внимательно изучала свой стол.

— Потому что я ошиблась с пропорцией, — наконец сказала Лиара.

— Наконец-то правильный ответ. Работу переделаете завтра.

— Но я исправила раствор.

— В бою вы тоже собираетесь сначала отравить пациента, а затем гордиться тем, что нашли противоядие?

Нэйра закашлялась, скрывая смех. Лиара посмотрела на нее с обещанием будущей мести.

Экзамен всё равно пришлось сдавать самостоятельно. Друзья помогали друг другу, но постепенно установили негласную границу: подсказать, объяснить или вытащить из

неприятности — да. Сделать работу вместо другого — нет.

Лиара тренировала Нэйру на боевых занятиях и учила чувствовать момент перед ударом более сильного противника. Нэйра водила друзей по таким маршрутам Академии, о существовании которых преподаватели предпочитали не знать, и замечала приближение коменданта задолго до остальных. Торин мог час объяснять, почему защитный купол рухнет, если неправильно рассчитать нагрузку на опорные точки. Эсма безжалостно разбирала чужие формулы и пространственные схемы, пока ошибка не становилась очевидной даже Лиаре.

За это Лиара иногда доставала из личных запасов хорошее вино. Иногда — слишком хорошее.

Настоящая академическая жизнь начиналась после заката.

Осенними вечерами компания выбиралась на крыши жилых корпусов или на верхнюю площадку Астрономической башни. Нэйра знала, когда проходит патруль и какая лестница скрипит. Торин приносил еду в количествах, рассчитанных будто на осаду крепости. Эсма сначала заявляла, что ночное проникновение на закрытую башню нарушает семь пунктов устава, а потом оказывалась там первой и требовала не ставить бутылку на край парапета.

— Она может упасть, — поясняла эльфийка.

— Ты переживаешь за студентов внизу? — спрашивала Лиара.

— За вино.

Они сидели над темными кронами леса, пили, спорили о преподавателях, государствах и чужих любовных драмах. Иногда Лиара жарила мясо на крошечных язычках пламени над ладонью, пока Нэйра обвиняла ее в кошунственном обращении с драконьим наследием.

Несколько раз их ловили. На третий Лиара получила официальное взыскание и неделю обязательных дежурств в тренировочном корпусе.

— Ты могла бы просто назвать фамилию, — заметила Нэйра, когда они вместе тащили ящик с учебными щитами.

— Это ещё зачем?

— Проверить, насколько быстро у коменданта появится желание забыть о взыскании.

— Отец узнает.

— И что?

— И пришлет мне список из сорока пунктов о достоинстве Рода.

Нэйра содрогнулась.

— Неси ящик. Я была права.

Статус помогал Лиаре гораздо реже, чем она привыкла. Некоторые преподаватели, напротив, становились строже именно потому, что не хотели слышать обвинений в особом отношении к наследнице Рокс.

Первое время это раздражало. Потом стало нравиться. Здесь можно было получить выговор за опоздание, проиг-

рать тренировочный бой из-за собственной самоуверенности, испортить лабораторную работу и услышать от Эсмы, что формула написана безграмотно. Мир при этом не рушился, а окружающие не начинали немедленно искать виновного, посмеявшегося огорчить княжну.

Лиара впервые за долгие годы почувствовала вкус обыкновенной студенческой жизни. Студенчество несло все те прелести жизни, которых она не получала в прошлой своей жизни.

Она ходила на свидания, принимала приглашения на танцы, иногда болтала с кем-нибудь у озера или позволяла симпатичному однокурснику проводить себя до башни. После Элиара Лиара относилась к этому легче и осторожнее. Ей нравился флирт, нравилось внимание, но обещать больше, чем она чувствовала, она не собиралась.

Нэйра периодически требовала подробностей. Эсма делала вид, что не слушает. Торин действительно не слушал, если разговор не касался архитектуры.

К концу первого семестра Академия перестала казаться Лиаре чужим пространством.

Она знала, где подают лучший горячий хлеб, какую лестницу зимой замечает первой, в какой аудитории всегда холодно и в каком углу библиотеки Эсму следует искать после полуночи. Знала, каких преподавателей можно уговорить на перенос задания, а каких лучше даже не пытаться. Знала, что Нэйра терпеть не может сладкое вино, хотя каждый раз

его пробует, а Торин способен уснуть под любой шум, кроме обсуждения плохо построенной стены.

Зимний бал в Большой Хрустальной Галерее завершал первый семестр.

За высокими окнами лежал снег, превращая академический парк в бело-синее поле под звездным небом. Внутри под сводами плавали зачарованные огни, музыка смешивалась с голосами, а разогретые танцами студенты то и дело выбирались на террасу вдохнуть холодного воздуха.

Лиара стояла у распахнутых дверей с бокалом вина в руке. Серебристые волосы были собраны на затылке, стальное платье мягко мерцало в свете магических шаров.

Рядом Нэйра, присевшая на широкий каменный парапет, с мрачным удовольствием комментировала танцевальные способности одного из старших студентов.

— Еще один поворот, и он убьет партнершу.

— Она эльфийка, — заметила Лиара. — Успеет увернуться.

— Тогда пострадает следующий ряд.

Эсма, стоявшая рядом с идеально прямой спиной, сделала глоток вина.

— Согласно правилам танца, он уже трижды должен был остановиться.

— Ты считала? — спросила Лиара.

— Конечно.

Торин вернулся с очередной тарелкой мяса и задумчиво

проследил за опасным танцором.

— Центр тяжести слишком высокий.

Нэйра повернулась к нему.

— Спасибо. Теперь всё понятно.

К Лиаре подошел знакомый студент и пригласил ее на следующий танец. Она согласилась, допила вино и отдала бокал Нэйре.

— Не допивай остальное без меня.

— Не обещаю.

— Тогда хотя бы оставь половину.

— Ты просишь невозможного, знала?

Лиара рассмеялась и направилась обратно в зал.

Музыка стала громче. Вокруг кружились студенты разных народов, сталкивались рукава мантий, мелькали украшения и вспыхивали над головами зачарованные огни. Где-то у стены спорили о результатах зимних испытаний. С террасы доносился смех Нэйры. Эсма наверняка уже переставила оставленные бокалы так, чтобы они стояли ровно, а Торин, скорее всего, нашел четвертую тарелку.

Полгода назад Лиара въехала в ворота Академии под сотнями любопытных взглядов и была уверена, что очень быстро разберется в этом месте.

Теперь она знала, что ошибалась во множестве вещей. Но именно поэтому ей здесь нравилось. До конца обещанных отцом трех лет оставалось еще много времени. Черный Пик никуда не исчез, Совет Старейшин тоже, и разговор о буду-

щем однажды всё равно придется продолжить.

Сегодня это казалось достаточно далеким.

Лиара приняла руку партнера и шагнула в танец, почти не думая о том, кто смотрит на нее со стороны. За ее спиной остались открытые двери террасы, зимнее небо и трое друзей, рядом с которыми ей давно не требовалось быть ни первой чистокровной драконицей за три столетия, ни наследницей великого Рода.

Первый семестр закончился, Академия стала привычной, и Лиаре казалось, что она наконец научилась устраивать собственную жизнь именно так, как хочет.

Глава 6

Весеннее солнце заливало верхнюю галерею корпуса Бовых Искусств теплым медовым светом, превращая белые мраморные плиты в сверкающее зеркало. Лиара стояла у резной балюстрады и лениво потягивала из глиняного кубка холодный настой мяты и смородинового листа, пока за ее спиной трое знакомых лордов спорили о преимуществах укороченных кавалерийских копий перед длинными глефами.

Ей было скучно.

За полгода Академия Семи Вершин успела стать привычной. Лиара знала преподавателей, корпуса, лучшие места в библиотеке и худшие блюда в столовой. Знала, с кем стоит садиться за один стол, кого лучше обходить до первого утреннего кофе и на каких лестницах комендант устраивает ночные проверки. Первоначальный ажиотаж вокруг дочери Даймара тоже улегся до терпимого уровня. Она по-прежнему оставалась одной из самых заметных студенток Академии, но уже не ловила каждый шепот за спиной и не считала количество поклонов за день.

Именно поэтому шум из внутреннего двора у фонтана Химер привлек внимание.

— Повтори, что ты пискнул, грязерой! — рявкнул снизу густой голос.

Лиара опустила взгляд.

У круглой чаши фонтана разворачивалась сцена настолько банальная, что она едва не отвернулась сразу. Двое первокурсников-драконов из клана Багровых Скал — рослые парни, которым еще не хватало возраста и опыта для настоящей силы, но спеси уже хватало с избытком, — прижали к замшелой кладке щуплого студента. Судя по серой мантии с эмблемой чертежного циркуля, тот учился у механиков и, похоже, был полугномом.

Под ногами валялся растоптанный кожаный тубус. Из него веером рассыпались исписанные чернилами листы.

— Я только попросил вернуть мой чертеж локтем, лорд Варис, — запинаясь, объяснял парень. — Я месяц над ним работал. У мастера Бракса зачет...

— Ты посмел обвинить нас в воровстве своих каракулей? — второй дракон с выбритыми висками и шрамом на скуле с удовольствием пнул сломанную раму тубуса. — Собирай что есть и проваливай в свои подвалы, пока я добрый.

Кто-то за спиной Лиары хмыкнул.

— Багровые опять развлекаются.

Она поморщилась.

Самоутверждаться за счет первокурсника, который физически не способен ответить, было не проявлением драконьей силы, а дешевым хамством. Даймар за подобное поведение новобранцев гонял по плацу до тех пор, пока они не начинали отличать гордость от распушенности.

Лиара уже собиралась окликнуть Вариса, когда с цен-

тральной аллеи донесся спокойный голос:

— Господа, верните чертёж. Будьте так любезны.

Из тени платанов вышли четверо студентов в темно-синих шерстяных колетах с серебряной окантовкой. Люди.

Человеческих студентов в Академии было немало. Люди считались слабейшей расой. Они не могли соперничать по силе даже с дворфами. Не имели собственной магии, как драконы или эльфы. Всё на что их обычно хватало это приложив неимоверные силы и старания просто получить диплом академии, что уже само по себе являлось успехом.

Впереди шел высокий темноволосый юноша с легкой фехтовальной шпагой у бедра и кожаной папкой под мышкой. Ничего примечательного в одежде — обычная форма Академии, никаких фамильных доспехов или демонстративно дорогих украшений. Он остановился в нескольких шагах от драконов и посмотрел сначала на рассыпанные чертежи, затем на Вариса.

Тот медленно повернулся.

— Ты что-то сказал, человек?

— Чтобы вы вернули чертёж. И перестали портить чужую аттестационную работу.

— Иначе что?

— Иначе к вечеру вы узнаете, насколько дорого это стоит. Варис рассмеялся.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет. Угроза подразумевает, что решение еще зависит

от меня.

Темноволосый раскрыл папку и вынул сложенный лист.

— Параграф двенадцать Общего Устава Академии: умышленное уничтожение аттестационной работы другого студента рассматривается как вмешательство в учебный процесс. Если оно сопровождается угрозами физической расправы, дело передается коменданту и декану.

Рыжий парень за его спиной поднял лист бумаги. Один из большого свода привил академии.

Лицо Вариса изменилось.

— Ты всерьез думаешь прикрыться бумажками?

— Предпочитаю бумажки ожогам.

Второй дракон шагнул вперед.

— Я разорву тебя пополам раньше, чем твой комендант дочитает первый абзац.

Темноволосый окинул его внимательным взглядом.

— Можете попробовать, лорд Корвин. Правда, двор находится под фиксирующим контуром Академии. После первого же серьезного удара руны обездвиживания прижмут вас к мостовой. Потом запись с кристалла наблюдения уйдет проректору, а вашему отцу придется объяснять Совету Кланов, почему наследник Багровых Скал напал на студента на нейтральной территории.

Невысокая девушка из его команды уже держала в руке небольшой кристалл фиксации. Корвин заметил его и остановился. Темноволосый чуть склонил голову.

— Думаю вам нужно вернуть чертёж и извиниться.

В воздухе повисла пауза. Лиара невольно улыбнулась.

Варис побелел от ярости. Он посмотрел на окна деканата, на кристалл, на растоптанные листы и явно пришел к тому же выводу, который юноша уже успел озвучить. Ударить сейчас означало не доказать силу, а собственноручно подтвердить каждое обвинение.

— Ты пожалеешь об этом, — процедил он. — На полигоне никакие бумажки тебя не спасут.

— В четверг, третья пара, — невозмутимо ответил человек. — Постараюсь не забыть.

Варис швырнул чертёж на землю, отвернулся и быстро пошел прочь, его дружки потянулись следом.

Можно было закончить. Но темноволосый посмотрел им в след добавил:

— Приятно видеть разумных драконов, способных чтить правила.

Рыжий за его спиной тихо простонал:

— Кайрен...

Варис резко обернулся, но его товарищ удержал его за локоть.

— Потом. Мы не забудем. Но потом.

Драконы ушли, с грохотом захлопнув тяжелую дверь бокового входа. Механик поспешно начал собирать листы, рассыпаясь в благодарностях. Кайрен присел, поднял несколько пергаментов из лужи возле фонтана и протянул ему.

Лиара перегнулась через перила. Ее заинтересовал не сам конфликт. А то что двух молодых драконов в прямой стычке могла остановить только половина преподавателей Академии.

Но никак не человек...

Однако этот смог. Человек не попытался соревноваться с ними в силе. Он за секунды придумал решение, привел свидетелей и поставил Вариса перед выбором, в котором оба варианта были для того невыгодны.

А потом, уже победив, не удержался и ткнул еще раз.

— Кто это? — спросила Лиара.

Нэйра сидела на широком подоконнике в нескольких шагах от нее, доедая зеленое яблоко. Рысьи уши с черными кисточками повернулись в сторону двора раньше, чем она сама посмотрела вниз.

— Кайрен Валдор, кажется. С тактического отделения. Герцогский сын из западных человеческих провинций.

— Он всегда такой дерзкий?

— Нет. Иногда хуже.

Лиара повернулась к ней. Нэйра пожала плечами.

— Умный. Подготовленный. Работает с одной и той же командой почти на всех командных занятиях. А еще страдает хронической неспособностью закрыть рот, даже когда становится слишком поздно.

Внизу Кайрен что-то сказал рыжему товарищу. Тот ответил, и вся четверка засмеялась.

— И давно люди здесь позволяют себе так разговаривать с драконами?

— Вижу такое впервые. Обычно им хватает ума заранее понять последствия, — Нэйра хрустнула яблоком. — Человек не станет сильнее дракона от того, что очень этого захочет. Поэтому нормальные человеческие бойцы учатся избегать, а не стоять там, куда дракон собирается ударить.

— Что за компания?

— Рыжий — ветровик, Рем. Девушка с кристаллом — артефактор. Высокий — стрелок. Они постоянно вместе тренируются. Не лучшие в Академии по каждому предмету, зато друг друга знают настолько хорошо, что почти не тратят время на объяснения.

Лиара еще раз посмотрела вниз. Кайрен Валдор уже ушел по аллее и ничем не отличался от десятков других студентов в одинаковых темно-синих колетах.

— Любопытно, — сказала она.

Нэйра покосилась на подругу.

— Не начинай.

— Что не начинать?

— Я знаю это выражение лица.

— Какое?

— «Мне скучно, поэтому сейчас кому-то станет сложно жить».

Лиара невинно отпила настой. Проверить слова Нэйры на практике удалось гораздо быстрее, чем она ожидала.

Через две недели мастер тактических дисциплин, отставной генерал Морват, объявил Большой Командный Практикум в Зачарованном Лабиринте нижних ярусов.

Условия были просты. Группы из четырех студентов должны пройти через старый сектор катакомб, преодолеть ловушки и призванных стражей и первыми захватить «Сердце Склепа» — кристалл стихийной энергии на центральном алтаре. Разрешались заклинания до четвертого круга и обычное учебное оружие. Победителям обещали высший балл за практикум и освобождение от двух теоретических зачетов.

Последнее обстоятельство немедленно сделало состязание для Лиары делом принципа.

— Два зачета, — сказала она, перечитывая объявление. — Два, Нэйра. Я эти катакомбы в порошок сотру, а его потом расплавлю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.